

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА „КРАСНАЯ АРМИЯ“.

П. Р. Кузнецов. — На Красной площади.

Помимо общей юбилейной выставки «Красной Армии» в Москве открылась и другая отдельная выставка, имеющая целью показать отражение истекшего героического периода борьбы Красной Армии в современном русском искусстве. Представители изобразительного искусства охотно откликнулись на этот призыв и создали около трехсот произведений, в которых в большей или меньшей степени запечатлелась переживаемая после-октябрьская эпоха.

Эта эпоха родилась в огне революции, а развивалась и закалялась в огне боевых событий. Главное место в ней, по справедливости, принадлежит Красной армии, ее героям-вождям и герою-массе. Вот почему и все собранное на выставке можно разделить на две группы. Прежде всего — индивидуальные образы, портреты военных деятелей, как павших, так и живых. Эта часть выставки имеет большое иконографическое значение, потому что она удерживает для потомства в зеркале искусства черты отдельных личностей нашего времени, из которых некоторые уже принадлежат истории. Вместе с тем, она свидетельствует о том, что Красная армия настолько окрепла, что она может «позировать» художнику — явление, едва ли мыслимое в период недавней боевой горячки.

Мы видим здесь наиболее выдающихся военачальников Красной армии, как Троцкого, Муралова, Буденного, Каменева и др., по ряду с ними — и портреты некоторых начальников и комбригов, красноармейцев и партизанов, как бы подтверждающие дух равенства, господствующий в Красной армии, в которой не происхождение и чин, а подвиг и дело определяют человека. Художники не прошли мимо этой связи нового командира с солдатом, и некоторые портретисты пытались подчеркнуть эту связь изображением рядов войска в качестве живого фона, на котором вырисовывается тот или иной военачальник. Мы воспроизводим здесь несколько наиболее интересных портретов, из которых портрет Троцкого работы Анненкова — самый ценный в художественном отношении по своему «героическому

стилю» — читатель уже мог видеть в прошлом № «Красной Нивы». С другой стороны, искусство на выставке раскрывает перед нами и коллективное бытие армии — наиболее характерные моменты ее революционной и фронтовой жизни. Мы видим здесь, во-первых, праздничные моменты истекшего пятилетия: народные толпы, собирающиеся у солдатских грузовиков (Кустодиев. «Март 1917 г.»), веющие яркими знаменами демонстрации и парады на Красной площади (П. Кузнецов и Юон) и т. д. Далее разворачивается перед нами многострадальная бытовая правда красноармейских подвигов, боев и потерь. Вот оставшиеся в живых, скорбно задумывающиеся о павшем товарище (Петров-Водкин. «После боя»). Вот Красная армия первых трудных лет, какую она шла на фронт — еще серая, неотесанная и полуборванная (Радимов). А вот и то новое и ценное, что она приобрела путем работы над собой в итоге этих трудных лет — коллективное чтение газеты, внимание к оружию и одежде (Яковлев), политические беседы (Шухнин), участие в производстве страны (Фридман, «Трудармии»). На выставке представлено: как старшее поколение художников, давших ей ряд маститых имен, так и молодежь, сгруппированная в Ассоциацию художников Революционной России и исповедующая возврат к реализму, — но реализму «героическому». Надо отдать должное «ахровцам» — ассоциация чутко откликается на все события общественной жизни, стараясь отразить их в искусстве. Начавшееся сближение между искусством и общественностью (которой искусство еще так недавно опасалось, как жупела) — вообще наиболее положительная черта выставки. Быть может, именно потому, что это только начало, выставка в смысле живописных и скульптурных достижений оставляет много желать. Будем надеяться, что в дальнейших попытках своих отобразить современность наши художники достигнут больших результатов в области рисунка, композиции и цвета. Ибо героическое содержание требует и более «героической» (т. е. страстной, четкой и яркой) формы.

К. Ф. Юон. — Парад Красной армии.

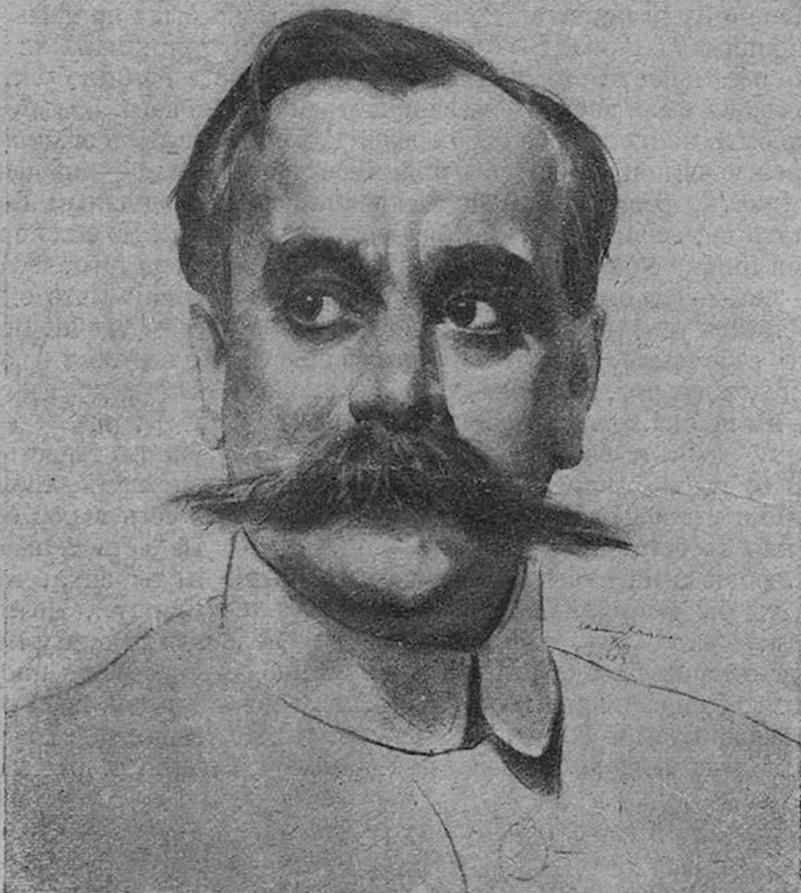
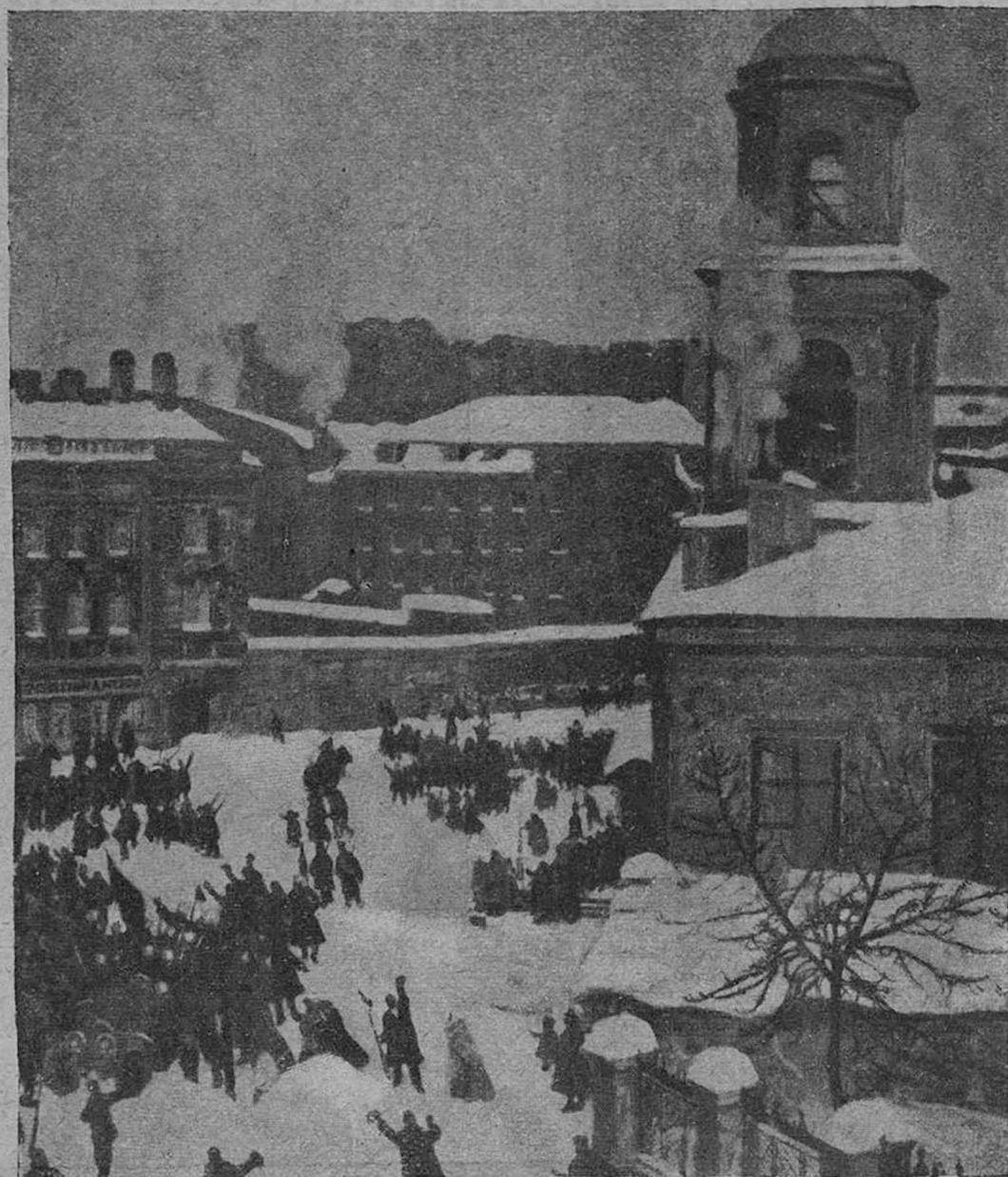

Рисунок к портрету С. С. Каменева, Е. А. Кацмана.
(Ассоциация художников революц. России).

Бюст тов. Троцкого, работы М. Страховского.
Снимки спец. фот. „Красной Нивы“ Кузнецова.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «КРАСНАЯ АРМИЯ».

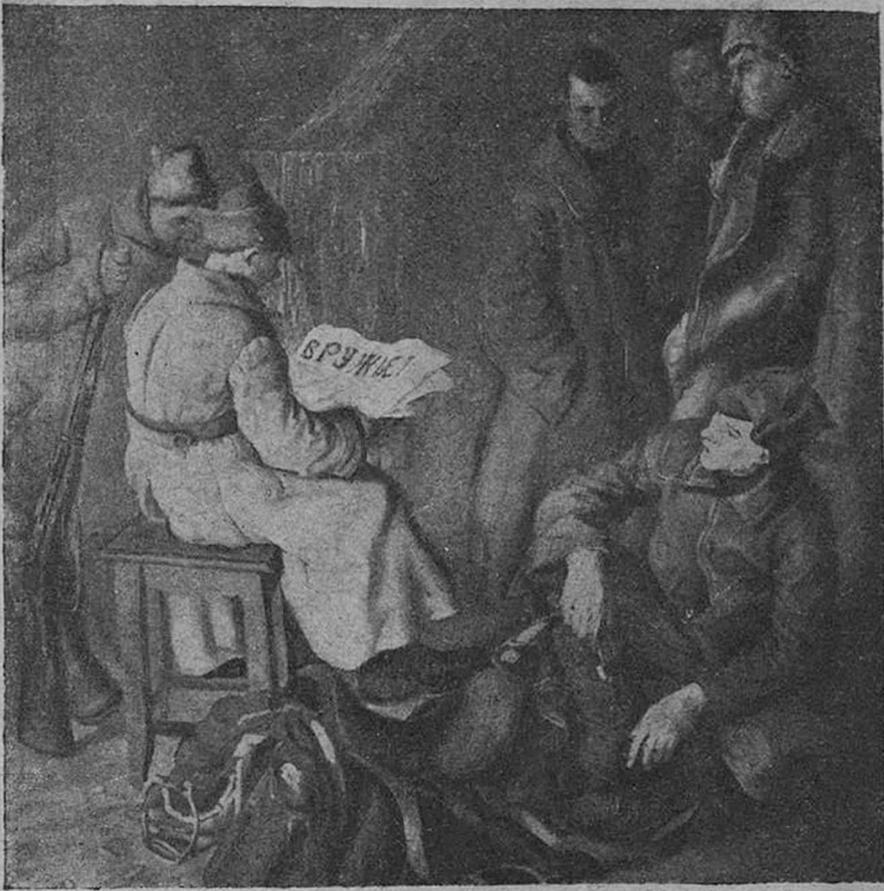
Б. М. Кустодиев. Март 1917 года в Петербурге.

Н. М. Никонов. Январь 1920 г. Везд передового отряда Кр. армии в Красноярск.

Снимки спец. фот. „Красной Нивы“ Кузнецова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА „КРАСНАЯ АРМИЯ“.

В. Н. Яковлев. Газета на фронте.

П. М. Шухлин. Проводили.

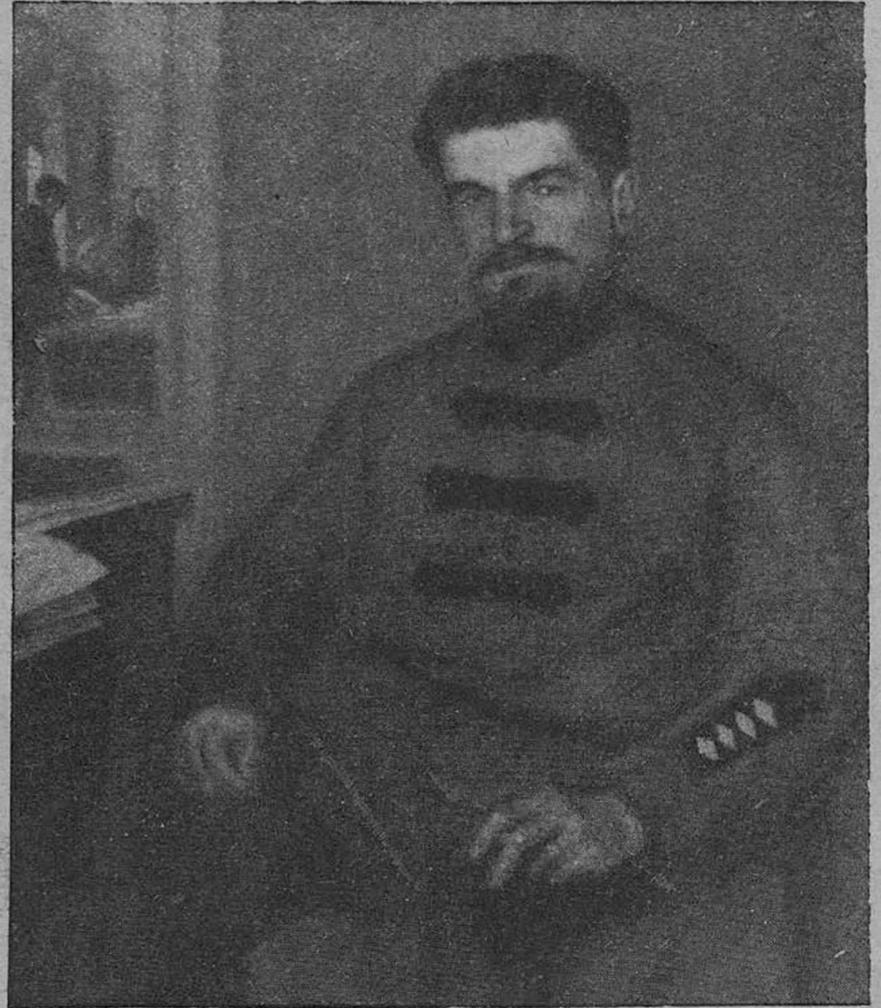

Б. М. Кустодиев. Большевик.

Снимки спец. фот. «Красной Нивы» Кузнецова.

Б. М. Кустодиев. Портрет б. комиссара 6 армии
Н. Н. Кузьмина.

Ф. И. Захаров. Портрет н-ка штаба Р. К. К. А.
т. Лебеева.

О. Шарлемань (Тифлис). Портрет т. Элиавы.

Е. Лансере (Тифлис). Портрет команд. отд. Кавк.
армии т. Егорова.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА „КРАСНАЯ АРМИЯ“.

Петров-Водкин. 'После боя.'

XXV-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ Л. В. СОБИНОВА.

24 апреля 1922 года исполнилось 25 лет пребывания в труппе Государственного Большого Академического театра певца-тенора Л. В. Собинова. Празднование этого юбилея по разным соображениям было отложено до нынешнего года и состоялось только 29 марта при постановке оперы Вагнера «Лоэнгрин».

Кажется, нет ни одного певца, который пользовался бы такой популярностью среди учащейся молодежи и нашей интеллигенции, как Л. В. Собинов. Эта популярность завоевана была им благодаря тому, что в течение всей 25-летней артистической деятельности он не порывал непосредственной связи с учащейся молодежью, устраивая сам концерты в пользу недостаточных слушателей Московского Университета, где и сам обучался, и выступая во всех концертах в пользу учащихся, из каких бы городов ни приезжали к нему с такими просьбами.

Даже в период суровой царской власти, когда всякая помощь эмигрантам считалась государственным преступлением, Л. В. Собинов выступал в частных домах в закрытых концертах в пользу наших студентов, обучавшихся за границей.

Театральная карьера Л. В. Собинова явилась совершенно неожиданной. Происходя из средней купеческой семьи, где никто не занимался музыкой и театр почитался чуть ли не дьявольским наваждением, Л. В. Собинов все же с гимназических лет любил музыку, пел и, сколько позволяли ему его карманные деньги, посещал театр.

Переехав в Москву в 1889 году, уже студентом университета, он сошелся со студентами-украинцами, пел в студенческом хору и даже

участвовал в хоре малороссийской труппы. В 1892 году Л. В. Собинов стал учиться пению у Даданова и затем поступил в оперный класс Филармонического училища. На сцене он первый раз выступил в 1893 году, когда в Москве была итальянская опера, и он под фамилией Сабини пел Арлекина в «Паяцах». По окончании университета Л. В. Собинов занялся адвокатурой и состоял помощником у Ф. Плевако. Продолжая заниматься пением с Сантагано-Горчаковой, он по настоянию последней явился на пробу в Большой Театр и в 1897 году получил дебют в партии Сиодала в опере «Демон». За 26 лет Л. В. Собинов спел 37 партий. Если их перечислять, то нужно перечислить весь репертуар русских опер и большинство иностранных, шедших на нашей сцене за последние 25 лет. Л. В. Собинов выступал за границей, в Милане в театре «Скала», в опере «Дон-Паскваль», «Травиата», «Манон» и «Ромео». Он пел в Мадриде, в Берлине, Монте-Карло. Концертировал в Лондоне, Париже и Берлине. Итальянские газеты называют его голос золотым. В 1917 году труппой Большого театра Л. В. Собинов был избран управляющим Большим театром. Но в следующем году он уехал на Юг, и в Крыму при советской власти заведывал Музыкальным Подотделом Нар. Образования. По возвращении в Москву он был назначен управляющим Большого театра, но в том же 1922 году оставил эту должность с тем, чтобы заниматься только пением.

А. В.

Л. В. Собинов в роли «Лоэнгрин» прежней постановки.

КРАСИЛАЯ

НИВА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ♦ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ♦ ЖУРНАЛА
А.В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю.М. СТЕКЛОВА

№ 13.

Москва, 1 апреля 1923 г.

№ 13.

СОДЕРЖАНИЕ.

Ив. Касаткин. Сивко, рассказ.—С. Подъячев. По-говел, рассказ.—А. Новиков-Прибой. Бездна, от-рывок из повести.—Ромэн-Роллан. Очарованная душа, роман.—Г. Уэллс. Яко боги, роман.

Стихи: Г. Шенгели.

Статьи: В. Крыжановского и Я. Т.

Иллюстрации: Кто лечит т. Ленина, русский отдел на Лейпцигской выставке, съезд по изучению произ-водительных сил страны, приезд датской делегации, художественная выставка „Красная армия“ (репро-дукции с картин и портретов), художественно-про-мышленная выставка, портреты Либкнехта, юбилей Л. Собинова и пр.

Критика и библиография.

Наука и техника; заметки.

КРАСНАЯ ШИВА

№ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 13

СИВКО.

Рассказ Ив. Касаткина.

Ив. Касаткин.

Малиновое небо на востоке разжигалось ярче и ярче. В бездонной сини зажурчали жаворонки, просверливая вышину золотыми буравчиками: — тирлюю... тюр-люор-лии... тюр-лии...

А как выкатился зыбучий шар солнца, за далекими дымно-синими перелесками, Силашка увидел белые колокольни. — одна, самая высокая, с золотой головой, как свеча горит на солнышке. Силашка завертелся на телеге, глаз не спуская с золотой маковицы.

- Тять... гляди!..
- Вижу...
- Што это?
- Черквы...
- Город?

— Он самый... э-э, вон где! — тятька указал туда хворостиной.

Будто в чудесном веселом сне замерещились синие, зеленые и всякие крыши. У Силашки дух заперло, он встал на коленки и глядит, глядит... Неумной играющей радостью налились и грудь, и глаза, и руки, и пальцы, — хоть лети!

А тятька, чудак, в нахлопённом картузе, сидит на мешках смурый и над взвизгивающим колесом тихо хворостиной помахивает. И Сивко тоже мотается в оглоблях, как невареный. Нахлестать бы его, да вскачь, вскачь!.. Тереха, сосед, все равно не узнал бы, что его Сивку шибко гнали. Только не побежит сивко-то — старый, дохлый он.

Не доезжая города, под березами стоит кирпичная избушка с синей головкой, а на головке с четырьмя цепочками крест. Дверь в избушку открыта, в темном нутре красными язычками горят свечи. Греясь на солнышке, сидит на приступках старичок, голова лысая начисто, лишь белые прядки около ушей на ветру шевелятся. Борода тоже белая, а у губ с желтинкой.

Силашка сразу признал: Никола-угодник, тот самый, который на иконах. Тятька тоже признал его, — потрукал, слез с телеги и давай на него молиться, взмахивая волосами. Никола поднялся с приступков и закланялся тятьке, протягивая деревянную чашечку.

Ничего в эту чашечку тятька не положил, быком пошел к телеге, вертя в руках картуз. Силашке жаль стало тятьку: на том свете за это вешают за ноги, вниз головой, прямо в огонь, а то и в кипучий котел посадят... Так и на картинке есть у Зуйкова отца в чулане, где пряники, сельди и вино в зеленых бутылках.

Силашка поглядывает вперед, — сейчас покажется город, город! Его пока не видно, лишь слышен оттуда чудной шум. Так вот шумело, когда загорелась изба у Лаврухи, потом рядом у Сизана, потом у Жмычкова Игнахи, — да как пошло, пошло!.. Даром что ночью, а было посветлей, чем днем. Головешки летели аж за гумна, а

Марьяна Хряцова в тот раз ума рехнулась: выла по-собачьи и в огонь кидалась, а глаза страшные, по кулаку... Хоть и дрожали коленки, а весело было в тот раз!

Вот и город начинается.

Силашка не успевает повертывать голову. Вишь ты, какой он, — город! Избы с окошками в два, а то и в три ряда, одна другой лучше. Начинает прикидывать: сколь высоко в таких избах от полу до потолка? И сразу пала мысль: в таких избах и люди живут, должно быть, ростом повыше высокой елки. Чего они едят? на чем спят? Начал было думать о лошадях, — сколь велики у таких людей лошади, — да увидел нарядную барыню, едко ухмыльнулся и ткнул тятьку в бок.

— Глянь, тетка-то в шапке... и с перо-ом!

— Не замай ее! — махнул рукой тятька.

Барыня ведет за цепочку крохотную поджарую собачку, которая боком скачет на трех ножках и останавливается у каждого столбика. Рядом с барыней идет мальчик в голубой курточке. Волосы у него до плеч, и светлые, как чесаный лен, на ногах желтые сапожки, а поверх картузика мохнатая малиновая пуговица с яйцом. Такой нарядный и во сне сроду не приснится. Не это ли и есть самый Иван-царевич? Тятьку бы спросить. Уж и чистяк! Вишь, как глядит...

А мальчик смотрел-смотрел на Силашку — и вдруг высунул ему длинный язык и погрозился кулаком. Будто ни в чем не бывало, сунул руки в карманчики и идет с барыней дальше, а сам все поглядывает на Силашку. Вдруг вынул руку и показал кукиш. Вынул другую руку и тоже показал кукиш. Погодя вынул сразу два кукиша.

Силашка живо добыл из мешка крупную картошину и запустил ею в мальчика. Не попал, лишь собачка на трех ножках подскочила, взвизгнув. Потянулся за другой картошкой. Тятька ударил его по руке.

— Баловаешь! Я-те покидаю... Она денег стоит!

Присмирел, отодвинулся к боровкам, а руки так и зудят.

Барыня, собачка и мальчик повернули за угол, скрылись. Не успел Силашка подумать о желтых сапожках — «вот бы и ему такие!», — как нарядный мальчик вдруг еще раз выскочил из-за угла и, вертясь на одной ножке, сделал ему из пальцев нос и показал длинущий язык. Собачка тоже выскочила и подняла над столбиком ногу, но ничего не успела сделать, — ее из-за угла потянули за цепочку.

Вот он откуда — шум — будто с пожарища!

Большая, как есть поле, площадь. Телег и людей тут съехалось со всех деревень. Мужики, бабы, бабушки девки, лошади, — все смешалось в одну кучу — и шумит, галдит, лопочет, гогочет, ржет!..

Тятька выпряг Сивку и ткнул его мордой в сено, а оглобли подвязал стойком, как у других. Составил на землю мешки и засучил их, чтоб видели, что в этих мешках есть. Открыл плетушку с курами, а они с устатку так и закатывают глаза под пленочку. Только рябка, трепыхнувшись, глянула в один глаз на тятьку и закекала: кеке, ке-кее... трепыхнулась еще раз и крикнула: куда?..